

***Курман Лев Эммануилович.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Я, Курман Лев Эммануилович, родился 28 сентября 1932 года в еврейской семье в поселке Грицев Хмельницкой области Украины. Мой отец, фармацевт, был управляющим большой районной аптекой, мать была домохозяйкой. Мой дед со стороны отца был преподавателем иешивы, со стороны матери – жестянщиком. Обе бабушки были домохозяйками. Ко времени моего рождения в живых осталась лишь мамина мама.

Родители с отцом

Моя бабушка

В 1935 году наша семья переехала в поселок Черневцы Винницкой области в связи с перевозом туда на работу отца. В Черневцах проживало около трех тысяч

евреев. Жили они кучно в центре поселка, вокруг проживало местное украинское население. В семье и в поселке мы разговаривали на языке идиш, а в школе на украинском языке. Школа была украинской. Здесь, в Черневцах, мы и встретили начало войны в 1941 году.

Мой отец

Как только началась война, мой старший восемнадцатилетний брат ушел в армию, и мы остались вчетвером: папа, мама, бабушка и я. Брат прошел ускоренное обучение в Томском военном училище, воевал, участвовал в прорыве блокады Ленинграда и погиб в бою в марте 1943 года под Синявино. Мы пытались эвакуироваться, но сначала отцу, как управляющему аптекой в райцентре, где был организован на базе районной больницы госпиталь, не разрешили уехать, а потом началась неразбериха. Наконец, отцу удалось раздобыть двух лошадей с подводой, и мы двинулись в сторону железнодорожной станции Вапнярка, до которой было 60 километров.

Мой брат

Брат-курсант

Отъехали километров 20-25, и тут начался обстрел. Кругом рвались снаряды, ехать дальше было просто невозможно, Тут нас и настигли немцы. У немца, лицо которого показалось хорошим, отец попросил закурить. "Евреев мы уничтожаем" - ответил тот и сильно ударил отца. Мы бросили подводку, лошадей, вещи и пошли домой пешком. Шли полями, прятались в кукурузе, благо урожай в тот год был хороший и кукуруза стояла высокая. По дороге двигались немецкие войска и немецкая военная техника. На третий день мы вернулись домой. В Черневцах были немцы. Квартира наша стояла пустая, разграбленная. Было очень страшно. На ночь мы забирались на чердак и поднимали за собой лестницу. Утром я проснулся от криков. С чердака сквозь щели был виден мост через реку Мурафу, построенный еще турками над тем местом, где вода с десятиметровой высоты падает на скалы. Немецкие солдаты тащили за бороды религиозных стариков-евреев и сбрасывали их с моста. У меня на глазах погибло 20-25 человек. Внизу стояли автоматчики и достреливали еще шевелящихся людей.

Через два дня прошел слух, что сбежал военнопленный. Немцы искали его повсюду, но не нашли. Они взяли заложниками 30 евреев, вывели их за околицу и расстреляли.

В соседних селах – Боровка, Бабчинцы, Моевка - специальный отряд расстрелял всех евреев поголовно. В этих селах проживало около 150 евреев, работавших в колхозах и на сахарных заводах. Евреев заставили вырыть ямы и стали их расстреливать, а затем засыпали землей еще подававших признаки жизни людей. К счастью, этот немецкий карательный отряд наш поселок обошел. Но всех евреев нашего поселка загнали в то место, где река Мурафа, изгибаясь подковой, образует мыс. Перемычку его перегородили колючей проволокой, у мостов поставили по два поста (жандармских и местных полицаев)- вот и гетто. Евреи жили здесь по 10-15 человек в комнате, а с конца осени 1941 года сюда начали поселять евреев, изгнанных из Бессарабии.

Настали холод, топить было нечем. Люди умирали от холода и болезней. Но из гетто было не выбраться даже после смерти: комендатура по нескольку дней задерживала вывоз трупов на кладбище, находившееся за зоной. Мы были приговорены. У нас почти ничего не осталось, что можно было поменять на еду у местных жителей. Но даже такой обмен пресекался, виновников избивали местные полицаи.

Из гетто нас гоняли под конвоем на работы, и тогда нам давали мисочку водянистого супа и два тоненьких кусочка хлеба. Мы расчищали дороги, уносили мраморные и гранитные плиты с еврейского кладбища и мостили ими дорогу к комендантскому дому. Солдаты и полицаи зверски избивали людей. Меня очень сильно избил полицай. Я запомнил его фамилию – Стаецкий. Удивительно, что он не убил меня. После этого я с трудом передвигался в течение двух месяцев. Периодически отбирали людей из гетто на работы в концлагерь Печору, находившегося в 70 километров от Черневец. Вернулись оттуда немногие. Часто всех обитателей гетто выгоняли прикладами на проверку на площадь у школы. Полицаи заставляли нас, избивая, копать себе ямы. Напротив толпы устанавливали пулеметы с залегшими у них солдатами. Всех проверяли по спискам. Если бы вдруг кого-то не оказалось или был бы кто-то лишний, всех пустили бы в расход. Но, к счастью, этого не случилось да и не могло случиться, так как выйти из гетто или проникнуть в него извне было просто невозможно. После проверки нас загоняли обратно в гетто.

В конце концов, гетто ликвидировали бы и нас всех расстреляли бы. Но и так люди не выдерживали такого существования. Очень многие погибли от голода, побоев, болезней.

Нас спасло стремительное наступление Красной Армии. К нам внезапно влетели советские танки. Немцы и полицаи не успели убежать. Была стрельба, все горело. Сгорели и жандармерия и дома коменданта. Полицай Шмуд вышел навстречу танкистам с хлебом-солью. Но солдатам сказали, кто он такой и его раздавили танком. Когда нас освободили, в живых осталось меньше трети обитателей гетто, все истощенные как скелеты.

1945 год

Я получил возможность продолжить учебу. Перед войной в 1941 году я окончил 2 класса. Нас освободили в марте 1944 года и сразу же организовали специальные учебные курсы для переростков, ведь с 1941 года по 1944 г. мы, естественно, не обучались. В августе 1944 года спецкомиссия принимала у нас экзамены, определявшие, кто в какой класс пойдет продолжать учебу. Я блестяще сдал экзамены, и меня определили с сентября 1944 года в пятый класс. В 1950 году я с медалью окончил среднюю школу и поступил в 1-ый Ленинградский медицинский институт, который окончил в 1956 году. Работал в Черневцах врачом-терапевтом, а с 1961 года - участковым врачом в поликлинике в Ленинграде. С 1967 года заведовал терапевтическим отделением в Сестрорецкой больнице № 40, а с 1989 года работал заместителем главного врача по клинико-экспертной работе Сестрорецкой больницы. В 2000 году я завершил свою трудовую деятельность. В настоящее время я пенсионер. Как волонтер, являюсь

заместителем председателя Санкт-Петербургской общественной организации бывших узников концлагерей и гетто.

1956 год

Избивший меня в гетто полицай Стаецкий был осужден судом в 1945 году к 25 годам тюремного заключения. Однако в 1957 году, когда я работал врачом-терапевтом в Чернецкой райбольнице, он вдруг явился ко мне на амбулаторный прием. Не знаю, узнал ли он меня, но я его хорошо запомнил. Он ко мне пришел как больной, поэтому я соответственно отнесся к нему. Я ничем не напомнил ему о прошлом, назначил ему обследование и лечение. Удивился, почему, отсидев в тюрьме всего 12 лет вместо 25 лет, он вышел на свободу. Но когда он пришел ко мне с результатами обследования, я понял, почему его выпустили на свободу. В его легких были сплошные туберкулезные каверны... Через месяц он умер.

Врачебные будни

У меня было много родственников. Большинство из них погибло в пламени Холокоста. Когда я был в Израиле, я встречался с оставшимися в живых обитателями нашего гетто. В Иерусалиме в мемориале Катастрофы «Яд Вашем» я заполнил анкеты на всех погибших в Холокосте моих родных. Нет у них могил, нет памятников и скоро некому будет о них вспоминать. Только там, в Иерусалиме, останутся их имена.

Есть события, которые не подлежат ни забвению, ни прощению. Пролившим невинную кровь не простится никогда.

18.03.2013 – 26.04.2013